

Глава 18. Чудны дела твои...

Линь Лан с друзьями поднялись в отдельный кабинет. Дверь приоткрыли, дабы не пропустить начало представления. Устроившись на мягких циновках, Линь Лан подался вперед и с любопытством спросил вполголоса:

— А-Ли, меня давно занимает один вопрос. Ответь мне начистоту, коли не секрет.

— Мы же с тобой братья, к чему эти церемонии? — отозвался Ту Ли. — Спрашивай о чем угодно!

Линь Лан пригнулся к самому его уху и едва слышно прошептал:

— Пятому принцу ведь всего на шесть лет больше, чем мне. Откуда же у него сын, который приходится нам ровесником?

Ту Ли посмотрел на друга изумленно, даже несколько озадаченно:

— Ты и впрямь ничего об этом не знаешь?

— А разве должен? — удивился Линь Лан.

Тут в их разговор бесцеремонно вклинился Ту Син:

— О чем это вы там секретничаете? Ну-ка, делитесь, мне тоже интересно.

— Да вот, — усмехнулся Ту Ли, — А-Лан дивится, как у нашего пятого брата оказался столь взрослый наследник.

Ту Син тоже покачал головой и тихонько рассмеялся:

— Серьезно, Лан-эр, ты не в курсе? В столице об этом едва ли не каждый чиновник шепчется. Как до тебя-то слухи не дошли?

Линь Лан лишь растерянно развел руками:

— Я в столице без году неделя, всего два месяца с небольшим. Отец и учитель о подобных вещах и словом не обмолвились.

В семье Линь испокон веков царили строгие нравы. Линь Жухай наотрез запрещал сыну совать

нос в дела императорской фамилии, оберегая его от лишней грязи. Во-первых, Лан-эр был еще слишком юн, а чрезмерный ум в отрочестве — удел хрупкий, легко ломающийся под ветром дворцовых интриг. Во-вторых, мальчику пока не под силу было повлиять на решения отца о том, чью сторону принять при дворе, а значит, и забивать голову тайнами августейших особ ему ни к чему.

Потому отец молчал, а учитель Линъюнь-цзы не спешил просвещать ученика. Линь Лан знал лишь имена наложниц, родивших императору сыновей, титулы самих принцев, их нынешние должности, да то, сколько у них жен, наложниц и законных наследников. Глубже он не заглядывал. Линь Жухай рассудил здраво: у его сына есть природная хватка и ум, но до искушенных столичных лис ему еще далеко. Заметят царедворцы излишнюю осведомленность юноши, выведают чего доброго — беды не оберешься. Куда безопаснее держать его в неведении. Так он точно не наживет врагов и не впутается в неприятности.

— Что ж, слушай тогда, — улыбнулся Ту Ли. — Мой пятый брат в свое время был помолвлен с внучкой великой принцессы Хэцзин. Да только девица та забеременела еще до свадьбы, и этот ребенок — как раз тот самый паренек, что учится вместе с нами.

Линь Лан нахмурился, силясь сопоставить факты. Тот юный императорский внук был его ровесником. Внучка великой принцессы Хэцзин была старше Пятого принца на целых семь лет и по какой-то причине долго не могла выйти замуж. Не заступись за нее влиятельная бабушка, ей ни за что не позволили бы войти в поместье Пятого принца даже в качестве наложницы. Но раз у нее родился ребенок такого возраста... выходит, она понесла в девках? От тайного любовника?!

Заметив, как Линь Лан округлил глаза, Ту Син хитро прищурился:

— Именно. Ты все правильно понял, даже не сомневайся.

Линь Лан лишь покачал головой, не зная, что и сказать на такую неслыханную дерзость. К счастью, расспросы зашли в тупик — снаружи загремели барабаны и гонги, возвещая о начале представления. Избавившись от неловкого молчания, молодые люди поспешили на балкон, к своим местам.

Опершись на резные перила, Линь Лан скользнул взглядом вниз. У сцены вовсю суетилась хозяйка заведения, зазывая гостей, а подле нее выстроились претендентки на звание первой красавицы. Все как на подбор — нежные, точно свежие бутоны. Лан-эр вынужден был признать: каждая обладала особым очарованием, и, что удивительно, в их облике почти не угадывалось вульгарной пошлости, присущей девицам их ремесла. Лишь у некоторых сквозила легкая кокетливая манерность, но и она не портила их благородной красоты.

— Ну что, А-Лан, заметил кого-нибудь сердцу милую? — с улыбкой спросил Ван Шанпинь.

Линь Лан обернулся и снисходительно улыбнулся:

— Красивы-то они красивы, спору нет, да только пресны. Ни в одной нет той искры, что заставила бы дрогнуть душу.

— Ишь ты, какой разборчивый! — хмыкнул Ту Ли, разглядывая сцену. — Пусть не затмевают луну своей красотой, но девицы прелестные. На мой взгляд, у каждой своя изюминка. Чем они тебе не угодили?

— Да сколько ты женщин в своей жизни видел, чтобы судить? — поддразнил его Ту Син. — Конечно, тебе любая покажется небесной девой. А вот А-Лан вырос в нежном краю Гусу, уж он-то толк в истинной красоте знает!

— Ишь, знаток выискался! — возмутился Ту Ли. — Мы с тобой с пеленок вместе. Если я невежда, то и ты ушел недалеко!

— Южанки славятся кротостью и грацией, северянки — статной осанкой да благородством, — примирительно улыбнулся Линь Лан. — Не посмею утверждать, будто видел первейших красавиц Поднебесной, но здешние девы... увы, лишь яркие цветы из веселого дома. Сгодится на один вечер, не более.

— Золотые слова! — Ту Ли хлопнул в ладоши и победно посмотрел на Ту Сина. — Внешность у них, прямо скажем, заурядная.

— Ну, нашему А-Лану и впрямь позволено так говорить, природа его внешностью не обделила, — фыркнул Ту Син, покосившись на кузена. — А ты бы на себя в зеркало глянул, прежде чем чужую красу хаять!

Линь Лан действительно обладал на редкость утонченными чертами лица. Было в его облике нечто андрогинное, благородно-изящное, однако никто и никогда не посмел бы спутать его с женщиной — мужской стержень угадывался в каждом движении. К частым восторгам по поводу своей привлекательности он давно привык и лишь тихонько посмеивался над шутками друзей.

— По крайней мере, в моем имени нет трех «ароматов», — парировал Ту Ли, намекая на иероглифы в имени Ту Сина. — Будто я какая-то девица на выданье, мечтающая о благовониях!

Ван Шанпинь, все это время наблюдавший за залом, вдруг похлопал приятелей по плечам:

— Да тише вы! Глядите, вот эта хороша!

Принцы мигом позабыли о перепалке и уставились вниз.

— Да, эта выделяется на фоне остальных, — на удивление подал голос молчаливый Хэ Цинъянь.

— Неужели наш Цинъянь наконец-то обратил на кого-то внимание? — прищурился Линь Лан.

— И то верно! — подхватил Ван Шанпинь. — Сколько раз мы сюда ни заглядывали, он сидел как истукан. А сегодня сам заговорил, да еще и похвалил девицу. Точно влюбился!

— Вкус у него отменный, — согласился Ту Ли. — Раз уж ее оставили напоследок, значит, она славится не только лицом, но и талантами.

— Верно подмечено, — кивнул Линь Лан. — Ни капли пошлости. В осанке и жестах чувствуется воспитание благородной девицы.

Ту Син присмотрелся к незнакомке внимательнее и со вздохом покачал головой:

— Ах, вот оно что... Теперь понятно, кто это.

— И кто же? — заинтересовался Хэ Цинъянь.

— Вторая дочь бывшего левого помощника министра финансов. Рожденная от законной супруги.

— Эх... Какая жалость, — вздохнул Линь Лан.

Благородная барышня, выросшая в холе и неге, оказалась на самом дне столичного вертепа. Причина тому стара как мир — грехи старших членов семьи, чьи грязные дела выплыли наружу. Мужчин отправили в ссылку или на каторгу, а беззащитных женщин продали в казенное рабство. Ей довелось вкусить богатства и почета, а теперь суждено развлекать праздную толпу. Это вызывало лишь горький вздох сожаления, но никак не слезливую жалость — таков уж суровый закон жизни.

Когда выступление последней красавицы подошло к концу, под сводами терема поднялся невообразимый шум — богатые купцы и праздные бездельники наперебой принялись выкрикивать цены.

— Время уже позднее, — заметил Линь Лан. — Может, разойдемся по домам?

— Ну куда ты спешишь? — возразил Ту Ли. — Давай досмотрим до конца!

— А чего там смотреть? — лениво отозвался Ван Шанпинь. — Будут спорить, чья мошна туже, да решать, на какую навозную кучу сегодня пристроят этот прекрасный цветок. Обычное зрелище.

— Жаль, у меня с собой нет лишней монеты, — весело подмигнул Линь Лан. — Не откажи я себе в удовольствии, непременно поборолся бы за право стать почетным гостем этой опальной барышни!

Хэ Цинъянь долго смотрел на него и сухо обронил:

— Будь ты на месте ее гостя, еще неизвестно, кого из вас назвали бы прекрасным цветком.

— Ого! Наш молчун бьет редко, да метко! — расхохотался Ту Син. — А ведь он прав. Мне и самому безумно интересно, какая же дева сумеет затмить своей красотой нашего А-Лана, когда придет пора ему жениться!

— Похоже, вы позабыли старую мудрость, — с улыбкой парировал Линь Лан. — Жену берут за добродетель, а наложницу — за милое личико.

Прятели дружно рассмеялись.

— К тому же, — продолжал забавляться Линь Лан, — кто сказал, что я непременно должен жениться на девице? Коли не встречу достойной, возьму в жены нашего Цинъяня!

— Цинъяня? — ухмыльнулся Ту Син. — Боюсь, в таком союзе невестой окажешься именно ты. С твоим-то хлипким здоровьем тебе с ним ни за что не совладать.

— Я посмотрю, вы совсем стыд потеряли, — ледяным тоном прервал их шутки Хэ Цинъянь. — Завтра на уроке верховой езды и стрельбы из лука кто желает сразиться со мной один на один?

Линь Лан и Ту Син испуганно переглянулись и в один голос взмолились:

— Пощади, брат Хэ! Сжался над нами грешными!

— Ладно вам, довольно ребячества, — вмешался Ван Шанпинь, пряча улыбку. — Приму на себя роль миротворца. На улице глубокая ночь, пора бы и честь знать.

— Твоя правда, — согласился Ту Ли. — Задержимся еще хоть на четверть часа, и пятый брат просто запрет перед нами ворота усадьбы.

Остальные согласно закивали. Проводив юных принцев до ворот резиденции Пятого принца, друзья договорились встретиться завтра перед началом занятий и разошлись в разные стороны.

Линь Лан, однако, не спешил возвращаться в Поместье Жунго — его путь лежал в Поместье

Линь.

Войдя в кабинет наставника, Линь Лан первым делом жадно осушил пиалу остывшего чая и лишь затем, переведя дух, обратился к учителю:

— Наставник, сегодня я все же набрался смелости и спросил у Пятого принца, почему у него есть ребенок такого возраста, как я. Напрямую мне ничего не ответили, но я сам догадался, в чем там соль. И все же мне не дает покоя один вопрос. Объясните глупому ученику, как такое могло произойти?

Линъюнь-цзы медленно перевел взгляд от раскрытой книги:

— Не можешь понять, почему на это закрыл глаза сам Император?

Линь Лан почтительно кивнул. Учитель погладил седую бороду и спросил:

— Помнишь ли ты, кто подарил жизнь Пятому принцу? Кто его мать?

— Разумеется, — ответил юноша. — Это добродетельная наложница Шуфэй, родная сестра покойной императрицы. Государь столь сильно тосковал по ушедшей супруге, что перенес свою благосклонность и на ее сестру.

— Властелин Поднебесной и великая любовь? Ха! — Линъюнь-цзы пренебрежительно фыркнул. — Оставим эти сказки для простолюдинов. Наложница Шуфэй сама жаждала войти во дворец и действительно на какое-то время завладела помыслами государя. Казалось бы, дети столь любимой женщины должны были купаться в отеческой заботе. Но на деле ни Пятый, ни Одиннадцатый принцы никогда не знали истинной императорской милости. Более того, государь относился к ним прохладнее, нежели к остальным сыновьям. А вот великая принцесса Хэцзин — совсем другое дело. Она приходится императору старшей сестрой. Наш повелитель рано лишился матери, и именно Хэцзин вырастила его, заменив родительницу. Для него она — закон и непререкаемый авторитет. Родственные узы, связывающие их, куда крепче любой привязанности к сыновьям от Шуфэй.

Линъюнь-цзы перевел дух. Поняв намек, Линь Лан бережно поднес наставнику чашу с теплым настоем. Сделав глоток, старик продолжил:

— В те годы внучка великой принцессы Хэцзин тайно сошлась с покойным наследным принцем — Ичжуном. Родила от него мальчика, но замуж так и не вышла, все ждала, когда возлюбленный официально введет ее в свой дом. Прошло пять лет, надежды таяли с каждым днем, а свергнутый наследник так и оставался в опале без единого шанса вернуть былое величие. Великая принцесса не могла больше смотреть, как увядает молодость ее внучки. О греховной связи и внебрачном ребенке в свете никто не ведал. Хэцзин решила скрыть позор: спрятала дитя и слезно умолила государя устроить брак внучки. Прознав об этом, наложница Шуфэй подсуежилась и испросила у императора дозволения выдать девицу за своего сына,

Пятого принца, хотя бы на правах боковой супруги. Император рассудил, что невеста уже в летах, обе стороны согласны, и наложил заветную резолюцию на прошение.

Старик покачал головой и посмотрел с ледяной пронзительностью:

— Да только нашла коса на камень. Четвертый принц пронюхал о тайне и предал дело огласке. Поначалу никто не мог взять в толк, кто же отец бастарда. Но девица оказалась с характером — сама во всем созналась прилюдно и явила свету мальчика. Грянул неслыханный скандал, опорочивший всю императорскую династию. Опешив от такой наглости, государь хотел было расторгнуть помолвку с Пятым принцем и насильно выдать грешницу за опального экс-наследника. Однако великая принцесса Хэцзин два часа простояла на коленях перед дверями императорского кабинета, умоляя не обрекать ее любимицу на жалкое существование рядом с поверженным принцем. Тогда к отцу явился сам Пятый принц. Ради сохранения шаткого мира в семье он выказал неслыханное великодушие: согласился довести дело до конца, взять девицу в жены и признать ее приемыша своим кровным сыном. Видя, что все участники драмы согласны, а бывший наследник Ичжун клянется наложить на себя руки, но не жениться на соблазненной им деве, император уступил. Вот так у твоего соученика и появился столь щедрый «отец».

— Но почему великая принцесса не выдала внучку за Ичжуна еще тогда, до того, как та понесла под сердцем дитя? — недоумевал Линь Лан. — И если дело держалось в строжайшем секрете, как Четвертый принц сумел вывести правду? Да и сама та девица... Она ведь скончалась вскоре после свадьбы? Я что-то не припомню, чтобы в поместье Пятого принца сейчас жила боковая супруга.

Линъюнь-цзы горько усмехнулся:

— Великая принцесса Хэцзин была женщиной гордой и насквозь видела своего державного брата. Полагаю, о греховной связи она поначалу и знать не знала, а когда девица округлилась — скрывать очевидное стало бессмысленно. Но к тому времени позиции наследного принца Ичжуна изрядно пошатнулись. Зачем мудрой Хэцзин отдавать родную кровь за человека, чья звезда катится к закату? Никакой выгоды, один лишь риск навлечь на себя гнев государя. Когда же нарыв прорвался, великая принцесса до последнего упиралась, не желая связывать судьбу внучки с опальным безумцем, который к тому же успел охладеть к несчастной. Сама же девица оказалась девкой строптивой. Поняв, что бабка костями ляжет, но не пустит ее к любимому, она наложила на себя руки. Вскоре после этого ушел в мир иной и сам бывший наследник. Пятый принц, хоть и лишился невесты, обещание сдержал: признал сироту своим первенцем, а когда обзавелся законной супругой, велел записать мальчика на ее имя.

— Какое поразительное благородство со стороны Пятого принца, — покачал головой Линь Лан, силясь переварить услышанное. — Но учитель, вы так и не ответили: откуда о тайне проведал Четвертый принц?

— Ишь, чего захотел! — старик шутливо замахнулся на него свитком. — Если я всезнающий, то почему до сих пор не сижу в Государственном совете? И вообще, с каких это пор тебя заботят придворные сплетни? Лучше ответь: прописи, что я задавал на дом, готовы? Или ты всю

неделю только и делал, что по веселым домам шатался да девиц разглядывал?

— Ну что вы, учитель, — рассмеялся Линь Лан, ловко уклоняясь от удара. — Вы ведь сами молчите как рыба, вот мне и приходится расспрашивать чужих людей. Раз уж мое любопытство удовлетворено, позвольте откланяться — пора домой.

Линъюнь-цзы лишь беззлобно махнул рукой:

— Ступай уже, глаза бы мои тебя не видели! Да не забудь завтра принести все исписанные листы. Лично проверю каждую черту, и не дай бог тебе было лень выводить иероглифы!

Линь Лан почтительно поклонился и покинул усадьбу.

Когда Линь Лан вернулся в Поместье Жунго, ночь уже полностью вступила в свои права. Его сестрица Дайюй давно спала. Отказавшись от пышного ужина, он наскоро перекусил легкими закусками, зажег свечу и уселся за письменный стол. Закончив дневные упражнения в каллиграфии и аккуратно сложив учебные свитки, Лан-эр умылся и наконец лег в постель.

Сон никак не шел. Лежа в темноте под балдахином, он все прокручивал в голове эту нелепую историю о Пятом принце, вынужденном растить чужую кровь.

«Зачем императору понадобилось устраивать этот балаган? — размышлял он, проваливаясь в дремоту. — Лишить покойного наследного принца Ичжуна права признать собственного сына, дабы не чернить память о нем лишним пятном позора, но заставить другого своего сына взять этот грех на себя... Разве это не изощренная, жестокая насмешка?»

Одеяло казалось слишком теплым, а мысли путались, унося его в царство грез. Засыпая, Линь Лан едва слышно прошептал:

— Какая нелепость... Какая вычурная, глупая жестокость.

<http://bllate.org/book/18219/1758222>